

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАСПАДА МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ И УЛУСА¹

Олег Вадимович Лушников

Пермский государственно-педагогический университет, Пермь

Современные исторические, археологические и этнографические исследования позволяют по-новому взглянуть на роль Монгольской империи в целом, и Улуса Джучи в частности, в формировании этнического и культурного пространства Евразии. Благодаря фактическому материалу и новым исследовательским методам, произошел переход от теории «кочевого феодализма» к цивилизационному и мир-системному подходам [Лушников, 2009]. Если в советский период основные исследования касались монгольских завоеваний и их разрушительных последствий, то сегодня больше внимания уделяется вопросам внутренней жизни Монгольской империи и ее улусов, ее экономике, культуре, этническим и социальным отношениям, во-

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №14-21-03003.

просам религии, освещению проблем специфики развития кочевого общества, влияния Монгольской империи и особенно Улуса Джучи на Россию. Возобладал комплексный подход в изучении Монгольской империи как общей колыбели народов Евразии.

Безусловно, эпоха Монгольской империи стала кардинальной вехой в истории Евразии, заложила основы современного мира. И дело не только в масштабных завоеваниях Чингизидов. В эпоху Монгольской империи происходит изменение политической карты мира, формирование новых этнокультурных сообществ. Это сопровождается процессами взаимодействия кочевого и земледельческого миров в регионах Евразии, раскинувшихся на тысячи километров.

Среди этих процессов наиболее значимыми представляются:

а) политическая трансформация мира, миграция, ассимиляция, рождение новых этносов и уход с политической арены старых;

б) развитие экономики благодаря трансконтинентальной и региональной торговле;

в) развитие городов как административных, торговых и производственных центров, очагов имперской культуры;

г) синтез культурных традиций (материальных и духовных) разных народов Евразии в архитектуре, ремесле, технологии, науке, философии, литературе, живописи, музыке, быту и одежде;

д) процесс формирования общеимперской культуры и наследия империи.

Создание такой обширной империи, как Монгольская, безусловно, не проходило без кровопролития и трагедий. Но подобные явления неизбежны при формировании великих держав. Однако, несмотря на всю противоречивость оценки деятельности Чингиз-хана, создание Монгольской империи, безусловно, признается учеными историческим событием мирового масштаба. Многие империи распадались сразу же после смерти основателя, так и не успев оставить в истории ничего, кроме развалин. Иная судьба была у Монгольской империи. Факт ее возникновения на столь обширных территориях в столь короткие исторические сроки, и длительное сохранение *Rex Mongolica*, является во многом уникальным [Трепавлов, 2009]. Это побуждает обратиться к анализу не только военных причин монгольского успеха, но и к экономической и культурной политике Чингизидов.

Процессы этнокультурного взаимодействия рассматриваются нами как исторически обусловленная динамически развивающаяся открытая система, связанная с политическими, социально-экономическими и эколого-адаптационными процессами в средневековых обществах. Прежде всего это касается политико-экономических и культурно-исторических процессов, активизировавшихся в эпоху Монгольской империи.

Безусловно, только на военном терроре Монгольская империя не могла бы просуществовать столь долго. Современные исследователи указывают на экономический фактор, способствовавший интеграции и культурному взаимовлиянию регионов Востока и Запада Евразии. И этот процесс нельзя назвать стихийным. Он направлялся политикой Чингизидов в экономической и культурной сфере, важнейшим фундаментом которой можно было бы назвать принцип толерантности.

В монгольскую эпоху «вступили» одни этнические группы, а на ее руинах появились совершенно другие. Так, в ходе строительства империи племена тайчиутов, меркитов, найманов, татары, керейты, онгуты и др. стали основой формирования современной монгольской нации [Крадин, 1995, с. 174]. Из горнила Монгольской империи Китай и Иран также вышли консолидированными обществами. Население Древней Руси из *Rax Mongolica* «вышло» разделенным на три группы: русские, украинцы и белорусы. В эпоху Монгольской же империи произошло сложение современных казахов, узбеков, ногайцев, балкарцев, карачаевцев на Северном Кавказе, кайтаков в Дагестане, хазарейцев в Афганистане, толмукгунов на Куку-норе, дунган (хуэй) в Китае и многих других.

Однако наибольшие изменения коснулись этнической карты степной зоны Евразии и примыкающего к ней Урало-Поволжского региона. Отсутствие статичности, этнической замкнутости – характерная черта Урало-Поволжского региона и причина своеобразия традиционной культуры и быта проживающих здесь народов. Развитие коренных этносов в Урало-Поволжском регионе шло в условиях активного взаимодействия с пришлыми этническими группами, которые, в свою очередь, адаптировавшись в новых условиях, стали неотъемлемой частью населения региона.

В домонгольский период на территории Казахстана, Украины, Урало-Поволжского региона, Северного Кавказа, Крыма и южнорусских степей кроме кыпчаков (половцев, куманов), составлявших подавляющую часть населения, проживали канглы, караханидские тюрки, карлуки, кенгесы, аргыны, болгары, башгирды, буртасы, мордва, ясы, черкесы, остатки печенежских племен. Распределив местное население по «тысячам» и «туменам», раздробив кочевые племена между уделами и улусами, монголы смешали население, переместили крупные его массивы на новые места обитания. Замена близкородственных связей территориальными содействовала ускорению процесса консолидации кочевого населения в народности.

Пришлый монгольский и тюркский компонент из Центральной Азии смешался с преобладающим местным тюркским, иранским, славянским и финно-угорским компонентом. Уже в XIV в. завоеватели стали растворяться в среде завоеванных, забывая свою культуру, язык, письменность. Интен-

сивность этнических взаимодействий на территории Улуса Джучи привела к значительным последствиям, изменившим этническую карту этого обширного региона. Можно согласиться с С.Г. Кляшторным и Т.И. Султановым в выделении в этнокультурных процессах в степном и Урало-Поволжском регионах Евразии трех основных элементов – смешение местных и пришлых этносов, тюркизация и исламизация, формирование новых этносов [Кляшторный, Султанов, 2004, с. 219].

Важным результатом этих этнических процессов в Урало-Поволжье стал синтез местного и пришлого тюркских элементов, носивший определяющий характер в процессе формирования современного татарского народа. Именно в период Улуса Джучи из большого числа разных евразийских тюркских и монгольских этнических групп сложился новый средневековый этнос – татары. Со своим самосознанием, традициями, религией, образовательной системой, литературным языком, государственной традицией [Исхаков, Измайлов, 2007, с. 349–365].

Также быстро процесс ассимиляции шел в среде этнически близких к монголам тюркских племен, предков нынешних узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков, сибирских и крымских татар, башкир, чувашей, кумыков, ногайцев, карачаевцев, балкарцев и других. И сейчас большинство тюркских народов Сибири, Поволжья, Северного Кавказа, Средней Азии и Казахстана являет собой смешение тюрко-монгольских родов числом более 30 наименований (кыпчаки, уйсуну, конграты, кирейты, мангыты и др.), перемешанных на огромной территории Евразии бурными событиями XIII–XIV столетий [Кляшторный, Султанов, 2004, с. 225].

Эпоха Монгольской империи сыграла ключевую роль в складывании нового миропорядка, создании новой геополитической конструкции Евразии, фактически «второго великого переселения народов». Необходимо было снятие прежней структуры общества, которая уже изживала себя сама. «Снята была насильственно и “героическая” феодальная верхушка, ориентированная на аграрную экономику и разбой. Налажены новые трансконтинентальные связи. Появилась и новая культурная карта» [Пиков, 2009, с. 10].

Исследования показывают, что население после войн восстанавливалось в течение жизни двух поколений (40–50 лет); аналогичным образом обстояло дело и с экономикой. К тому же, помимо прочего, «кочевые завоевания были следствием уже происшедшего ослабления земледельческих государств» [Фурсов, 1998, с. 14].

Монгольская империя активизировала культурно-исторические процессы в Евразии. Кочевники активно участвовали в создании общих евразийских культурных ценностей, социальных институтов, освоении новых земель, влияли на темпы и направление развития многих народов и

государств, участвовали в возникновении международных коммуникаций и ретрансляции созданной в культурных центрах информации. Функционирование *Rax Mongolica* между 1250 и 1350 гг. привело к существованию мир-системы, состоявшей из взаимозависимых интегрированных в единое геокультурное и макроэкономическое пространство макрорегионов (Европа, Средний и Ближний Восток, Центральная Азия, Индия, Китай и Великая Степь), смещению центров экономической активности, существенным сдвигам в торговой системе Евразии, сельском хозяйстве и распространении сельскохозяйственных культур [Крадин, Скрынникова, 2006, с. 481]. Создание единой империи монгольских ханов впервые включило огромную часть Шелкового пути в рамки одной державы (с ее распадом – в систему взаимодействия улусов-наследников). Была создана трансконтинентальная сеть дорог и станций сообщения для гонцов, послов, чиновников, торговли, проповедников. Это обеспечило безопасный сухопутный путь от Черного моря до Желтого, увеличило товарооборот между Востоком и Западом, и привело к уменьшению значения индоокеанской морской торговли. И наоборот, когда крушение монгольских улусов в Иране и Китае, а затем и общевразийские потрясения XIV в. («Черная Смерть», войны Тамерлана с Золотой Ордой, Ираном, Индией) подорвали трансконтинентальный монгольский путь сухопутной торговли, ойкуменическая торговля (примерно с 1400 г.) на дальние расстояния опять стала преимущественно морской. «Рухнула Монгольская империя – сломался хребет Евразии, исчезла мир-система, расчистив путь для возникновения новой европейской капиталистической мир-системы» [Фурсов, 1998, с. 26].

Как отмечают ученые, вклад Монгольской империи в этнокультурные процессы в Евразии – это не только торговля, но и интеллектуальное взаимодействие народов Евразии. Происходил синтез кочевой и оседлой цивилизаций. В результате тесного союза степи и городов, бурного развития ремесла и караванной торговли образовался специфический экономический потенциал, длительное время способствовавший сохранению *Rax Mongolica*. Оба компонента – кочевая степь и оседлые зоны – дополняли и взаимно поддерживали друг друга, тем самым обеспечивая государству важные для его существования условия [Васютин, 2007]. В многонациональной империи материальная и духовная культура развивалась как результат синтеза многочисленных частей, привнесенных разными народами. Этот синтез не был механическим смешением совершенно разных культур, он проходил под влиянием творческого начала.

Этому способствовали религиозный плюрализм, толерантность, наднациональная и надрелигиозная политика властей. В империи духовенство всех религий, равно как и церковное имущество, были освобождены от

налогов. Политика веротерпимости сохранялась даже при переходе ханов в буддизм в Китае, или в ислам в Иране, Средней Азии и Золотой Орде. Современные исследователи приводят факты мирного сосуществования в империи ислама, христианства разных конфессий, буддизма, конфуцианства и тенгрианства [Сочнев, 2010, с. 67]. Независимо от национальности и вероисповедания можно было сделать карьеру в монгольской армии или в имперской администрации [Кадырбаев, 2009, с. 19].

Многочисленные археологические находки последних лет и результаты их систематизации позволили опровергнуть ряд исторических штампов о «паразитическом» характере монгольского государства и его улусов, неразвитости его городской цивилизации и вторичности его материальной и духовной культуры.

Археологические исследования свидетельствуют, что с середины XIII в. происходит оживление экономической жизни на территории империи. Идет возрождение городов, восстанавливаются экономические связи в регионах, происходит выход на международную торговлю. Сохранились и действовали практически все города, известные еще с домонгольского времени. В том числе Ургенч, Отрар, Сыгнак, Самарканд и др. пострадавшие еще в среднеазиатскую кампанию Чингиз-хана [Байпаков, 2010, с. 260].

Города, особенно имперские столицы и крупные торговые центры, (Каракорум, Шанду, Ханбалык, Тебриз, Алмалык, Самарканд, Бухара, Ургенч, Багдад, Марага, Сарай, Булгар и др.), стали местом переплетения культур, языков, нравов, обычаев, архитектурных решений и стилей, сосредоточием ремесла, изящных искусств, храмов, академий, обсерваторий, мавзолеев, шедевров архитектуры [Крадин, Скрынникова, 2006, с. 482].

Задачи управления огромной территорией со сложным этно-социальным составом и разным экономическим уровнем развития породили возникновение сети городов по всей территории империи, включая степные регионы, где их раньше не было. Наиболее изученным в археологическом плане на сегодняшний день является западный регион империи – территория Улуса Джучи. Но и в восточных частях монгольской державы сегодня найдено уже свыше 30 городов [Данилов, 2002, с. 84].

В Улусе Джучи особенно богаты археологическими памятниками зоны сплошной оседлости – Поволжье, Крым, Приаралье, юг и восток Казахстана, Приднепровье, Приднестровье, предгорья Северного Кавказа. Здесь открыты и изучены городища (более 100), селища, некрополи, клады. Находят и языческие курганы, и мусульманские мавзолеи, многокомнатные кирпичные дома с печным отоплением, белокаменные и кирпичные общественные здания – бани, медресе, мечети, мавзолеи, караван-сарай и пр. Стены многих зданий украшены расписной штукатуркой, многоцветными полив-

ными изразцами, майоликой, терракотой, плиткой. Города имели сложную квартально-усадебную планировку. Усадьбы включали жилые палаты, хозяйственные помещения, огороды, сад с бассейном и фонтаном. В городах обнаружены сложные гидротехнические сооружения – искусственные озера, арыки, подземные водопровод и канализация [Измайлов, 2010, с. 60, 62].

Налицо общий имперский стиль городов, даже в разных частях державы. Они везде демонстрируют поразительную общность архитектурных стилей, повсеместную унификацию строительного материала. И даже планировка Сарая во многом похожа на планировку Каракорума. Четко были выражены районы аристократии, купцов, бедноты. Сконцентрированы подобно заводам ремесленные мастерские. Практически все города имеют многонациональный характер населения. Так, Сарай получил прозвище «Золотоордынский Вавилон», в котором жили каждый в своем национальном квартале – кипчаки, черкесы, русские, армяне, монголы, византийцы, итальянцы, бухарцы и др. Еще одним общим моментом является тот факт, что имперские города длительное время не имели стен и были окружены возделываемыми полями [Измайлов, Зеленева, 2010, с. 217–218].

Можно согласиться с казанскими учеными Д.М. Исаковым и И.Л. Измайловым в выделении трех факторов, способствовавших развитию городов империи: 1) создание сети бесперебойных коммуникаций от Крыма до Ханбалыка, ямской службы, связывавшей важнейшие города и порты, караван-сарай; 2) создание стабильной финансовой системы, использование государственных векселей, участие государства в финансовой поддержке купеческих корпораций (известных как «ортаки»); 3) административно-политическая функция городов, притягивающая знать и ремесла [Исаков, Измайлов, 2007, с. 108–110].

Еще одним из важных элементов эффективного управления многонациональной гипер-империей являлась попытка создания синтетического «мирового языка» и письменности, впитывающих в себя в той или иной мере лексику и терминологию всех народов и племен цивилизационной зоны. На этом поприще в Монгольской империи первоначально использовалась уйгурская письменность [Зотов, 2005, с. 94]. Однако со временем стало ясно, что уйгурское письмо, обладая всего 14 буквами, недостаточно отражает все нюансы даже монгольского языка, не говоря о других языках империи.

В восточной части империи уйгурскую письменность сменила созданная тибетцем Пагба-ламой «квадратная письменность». Квадратное письмо стало основой государственного делопроизводства Юань, было приспособлено для китайского языка, оказало влияние на создание корейского алфавита [Крюков, Малявин, Софронов, 1987, с. 230–233].

В западных улусах Монгольской гиперимперии и прилегающих регионах (Казахстан и Средняя Азия, Крым и Поволжье, Восточный Туркестан и Хорасан, Индия и Малая Азия) языком межнационального общения и интеграции, делопроизводства и дипломатии, науки и культуры стал с XIII по середину XIX вв. «тюрки», известный также как чагатайский, поволжский, староузбекский и старотатарский [Бейсембиев, 2008, с. 77]. На «тюрки» писали такие поэты Золотой Орды и Средней Азии, как Кутб, Ал Хорезми, Сайфи Сараи. В Сарае XIII–XIV вв. жили и творили великие писатели и ученые, творившие по-арабски и по-персидски, оставившие ряд текстов по риторике, мусульманскому праву (шейх Садат Тафтазани, Мухтар ибн Махмуд аз Захида, имам и факих Ибн Баззати) [Коновалова, 2008, с. 271]. Поэты монгольского Ирана Амир Хосров, Джалаладдин Руми, Муслах-ад-дин Саади сделали литературным языком фарси, а А.М. Джувейни и Рашид-ад-дин прославили монгольский Иран как центр мировой историографии [Гальперин, 2003, с. 90].

Культура и наука, литература и искусство народов, вошедших в монголо-сферу, получили дальнейшее развитие. В городах монгольского мира процветали науки – медицина, история, математика, астрология. Причем при юаньском дворе в Ханбалыке трудились мусульманские врачи и астрономы из Ирана, а китайские специалисты передавали свой опыт на Ближнем Востоке [Кадырбаев, 2005, с. 219]. Характерными чертами декоративно-прикладного искусства империи являются орнаментальность, многоцветность, изысканность арабесковых мотивов. Наиболее ярко имперская культура проявлялась в культурном круге социально престижных изделий, в одежде знати – крой костюма, пайцзы, поясная гарнитура, оружие, конская сбруя, аксессуары – и даже в стиле мужской и женской прически [Крамаровский, 2001; 2002].

В целом, говоря о культуре Монгольской империи, можно заметить, что «пышный имперский стиль впитал в себя традиции культур всех имперских народов, все богатство степных кочевых (монгольских, кипчакских, кимакских и др.), мусульманских (булгарских, хорезмских, иранских), центрально-азиатских и дальневосточных элементов материальной и художественной культуры, создав так называемую этнокультурную гибридность, когда благодаря взаимодействию различных субкультур, рождается новый культурный синтез» [Пиков, 2009, с. 5].

Но и после распада Монгольской империи и Улуса Джучи долгое время сохранялось единое культурное постимперское пространство. Важным фактом является влияние монголо-татарского имперского наследия на культурное сближение тюркских, славянских, монгольских, финно-угорских, иранских, кавказских и других народов Евразии. Все эти изменения во

внутриполитической и экономической жизни Золотой Орды в полной мере повлияли на характер и содержание этногенетических процессов в Урало-Поволжье. Об этом свидетельствуют данные материальной и духовной культуры народов Урало-Поволжского региона и археологические данные (появление разнообразия в погребальных обрядах, комбинации традиций как результат смешения этносов при миграциях). Так, видные исследователи евразийского Средневековья В.В. Трепавлов, Д.М. Исхаков, С.А. Нефедов, Р.Ю. Почекаев указывают на преемственность в политико-правовой системе постордынского пространства, характерную для всех государственных образований, вышедших из Улуса Джучи (улусная система, кланы, карачи-беи, даругачи, баскаки, наместничество, ясак, шерти, тарханные грамоты, сочетание государственной администрации и местных органов власти и др.).

В определенной степени такая преемственность характерна и для Московии. В Русском государстве по ордынским образцам функционировала военная организация, фискальная система, татарские символы верховной власти, посольский обычай, протокольная традиция государственных канцелярий, ценились ханское звание и принадлежность к роду Чингизидов. Полки служилых татар, как чингизидов, так и не чингизидов, сыграли решающую роль в победах Ивана III, в борьбе за главенство над Русью, в борьбе с Большой Ордой и Крымом, при взятии Казани и Астрахани [Горский, 2003].

Ордынская культура оказала влияние и на духовное развитие Руси. Это нашло отражение в перенимании русскими некоторых элементов золотоордынской материально-бытовой сферы [Измайлов, 2010, с. 85], в моде на одежду, в художественном стиле, заимствовании слов тюркского и монгольского происхождения [Крамаровский, 2001; 2002], [Бухараев, 2005, с. 31]. Даже в период Московского царства в XVI–XVII вв. Русская православная церковь, обосновывая свои владельческие права, ссылалась на ярлыки ордынских царей [Никитин, 2006, с. 16].

Таким образом, Монгольская империя и государства ее преемники способствовали широкомасштабным миграционным процессам, новым культурным контактам и взаимовлиянию культур различных регионов Европы и Азии. Сегодня, в эпоху национального возрождения, особенно необходимо комплексное исследование политико-экономического и этнокультурного взаимодействия народов Евразии в рамках полиэтнических сообществ и государств. Это может помочь и в выявлении факторов взаимозаинтересованной интеграции в свете новых вызовов истории.

Литература

Байпаков К. Города нижней Сырдарьи / К. Байпаков // История татар с древнейших времен. – Т. 3. – Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 2010. – С. 259–262.

Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н.А. Баскаков. – М., 1980.

Бейсембиев Т.К. Среднеазиатский (чагатайский) тюрки и его роль в культурной истории Евразии / Т.К. Бейсембиев // Тюркологический сборник. – М.: ИВ РАН, 2008. – С. 77–94.

Бухараев Р.Р. Поэзия Золотой Орды / Р.Р. Бухараев. – М.: Классик, 2005.

Васильев Д.Д. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии / Д.Д. Васильев, М.В. Горелик, С.Г. Кляшторный // Из Истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С. 33–44.

Васютин С.А. Кочевая империя, государство и мир-система: Монгольская империя и Первый Тюркский каганат в сравнительно-историческом ракурсе / С.А. Васютин // Чингисхан и судьбы народов Евразии. – Т. 2. – Улан-Удэ: БГУ, 2007. – С. 97–110.

Гальперин Ч. Россия в составе Монгольской империи / Ч. Гальперин // Монголо-ведные исследования. – Вып. 4. – Улан-Удэ: ИМБит СО РАН, 2003. – С. 77–93.

Горский А.А. Москва и Орда / А.А. Горский. – М.: «Наука», 2003.

Данилов С.В. К вопросу о появлении городов в Монголии в эпоху империи (XIII–XIV вв.) / С.В. Данилов // Чингисхан и судьбы народов Евразии. – Улан-Удэ: БГУ. – С. 77–84.

Егоров В.Л. Золотая орда: мифы и реальность / В.Л. Егоров. – М., 1990.

Егоров В.Л. Основные направления развития культуры Золотой Орды / В.Л. Егоров // Владимирцовские чтения (III). – СПб., 1995. – С. 12–24.

Зотов О.В. Китай и Восточный Туркестан на геополитической «орбите» Чингисидов и Тимуридов / О.В. Зотов // Тюркологический сборник. – М.: ИВ РАН, 2005. – С. 86–94.

Измайлов И.Л. Вещественные источники / И.Л. Измайлов // История татар с древнейших времен: в 7 т. – Казань: Издательство АН Татарстана. – Т. 3. – Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 2010. – С. 58–65.

Измайлов И.Л. Нижнее Поволжье и столицы / И.Л. Измайлов, Ю.С. Зеленева // История татар с древнейших времен: в 7 т. – Т. 3. – Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 2010. – С. 215–225.

Исхаков Д.М. Этнополитическая история татар / Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлов. – Казань: Издательство АН Татарстана, 2007.

Кадырбаев А.Ш. Ислам и мусульмане в истории монголов XIII–XV вв. / А.Ш. Кадырбаев // Монгольская империя и кочевой мир. – Т. 2. – Улан-Удэ: ИМБит СО РАН, 2005. – С. 206–219.

Кадырбаев А.Ш. Хубилай-хан – завоеватель или объединитель Китая? / А.Ш. Кадырбаев // Общество и государство в Китае. Труды 39 международной научной конференции. – М.: ИВ РАН, 2009. – С. 15–31.

Кляшторный С.Г. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье / С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. – СПб: ИВ РАН, 2004.

Коновалова И.Г. Монгольская империя и ее наследники / И.Г. Коновалова // Средневековый Восток. – М.: Астрель, 2008. – С. 242–305.

Крадин Н.Н. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии / Н.Н. Крадин // Цивилизации. – Вып. 3. – М., 1995. – С. 164–179.

Крадин Н.Н. Империя Чингисхана / Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. – М., 2006.

Крамаровский М.Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты) / М.Г. Крамаровский // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2001. – С. 43–81.

Крамаровский М.Г. Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры / М.Г. Крамаровский // Тюркологический сборник. – М.: ИВ РАН, 2002. – С. 212–225.

Крюков М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени / М.В. Крюков, В.В. Малявин, М.В. Софронов. – М., 1987.

Лушников О.В. Евразийская интеграция: тюркский, монгольский, российский опыт / О.В. Лушников // Международный евразийский форум «Идель – Алтай». – Казань, Институт истории АН Республики Татарстан, 2009. – С. 142–145.

Лушников О.В. Монгольская империя в историографии XVIII–XX вв. / О.В. Лушников. – Казань: Издательство АН Татарстана, 2009.

Никитин Н.А. Улусная система Монгольской империи в памятниках письменности имперских центров чингизидских ханств и Древней Руси: автореферат дис. ... канд. ист. наук / Н.А. Никитин. – М., 2006.

Пиков Г.Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи» / Г.Г. Пиков // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Новосибирск, 2009. – Том 9. – Вып. 1: История. – С. 4–10.

Сочнев Ю.В. Характеристика общих принципов религиозной политики монгольских властителей в XIII–XIV вв. / Ю.В. Сочнев // Мининские чтения. – Н.-Новгород, 2003. – С. 59–68.

Трепавлов В.В. Россия и кочевая степь: проблемы восточных заимствований в российской государственности / В.В. Трепавлов // Восток. – 1994. – № 2. – С. 42–52.

Трепавлов В.В. Тюркская знать в России (Ногаи на царской службе) / В.В. Трепавлов // Вестник Евразии. – М., 1998. – № 1–2 (4–5). – С. 101–114.

Трепавлов В.В. Белый падишах / В.В. Трепавлов // Родина. – 2003. – № 12. – С. 89–92.

Трепавлов В.В. Монгольская империя: Еке Улус и Рах Mongolica / В.В. Трепавлов // Международный евразийский форум «Идель – Алтай». – Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 2009. – С. 244–246.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана / Н.С. Трубецкой. – Тверь, 1997.

Фурсов А. Срединность Срединной Азии: долгосрочный взгляд на место Центральной Азии в макрорегиональной системе Старого Света / А. Фурсов // Русский исторический журнал. – Том 1. – № 4. – Осень 1998. – С. 14–35.